

Сестра Хун, чья былая слава в столице граничила с легендой, а само имя передавалось из уст в уста как нечто запредельное, предстала перед посыльным в таком виде, что тот замер в немом изумлении.

В народе верили, что Лин Хун — натура несгибаемая, из тех, перед кем даже господин Чжань склоняется в почтительном поклоне. О ней говорили как о заступнице всех обитателей Хун Сюань, единственной, кто смел перечить высокопоставленным чиновникам и знатым вельможам, вздумай те учинить здесь дебош.

Но сейчас эта грозная женщина вела себя с гостем до того робко и осторожно, что в её облике сквозило даже больше тревоги, чем когда она собственноручно врачевала раны Чжань Чжао.

Мальчишка-слуга, почуяв неладное, тихонько потянул стоявшую рядом служанку за рукав:

— Сестрица, кто этот человек?

Девушка лишь покачала головой:

— Не знаю. Но госпожа назвала его «вторым старшим братом», так что вряд ли он пришёл со злом.

Слуга кивнул, но сомнения не оставили его:

— Почему же тогда госпожа Хун так разволновалась?

Девушка прикрыла рот ладошкой, подавляя смешок:

— Да потому, что только что за глаза его ругала...

Тем временем гость в белом, явно не обращая внимания на шепотки прислуги, уверенно положил на стол серебряный нож.

— Я пришёл, чтобы забрать Сюаньцина, — ровным голосом произнёс он.

— Сяо Цзю здесь хорошо, зачем его уводить? — Сестра Хун недовольно поджала губы. Она не привыкла уступать. Благодаря её мастерству в боевых искусствах редкий смельчак отваживался бесчинствовать в стенах Хун Сюань. К тому же из-за специфики заведения Чжань Чжао заглядывал сюда нечасто, и теперь, когда он наконец мог спокойно отдохнуть, Лин Хун была крайне раздосадована тем, что его хотят лишить этого покоя по первой же прихоти.

— Ты смыслишь в наружных ранах, но что ты будешь делать с его повреждёнными

меридианами? — холодно осведомился гость. — Я специально привёз с собой Сюаньтин...

«Опять эта мужеподобная дева...» — пробурчала себе под нос женщина в красном.

Ни Циньян не повёл и бровью, лишь подхватил со стола нож и играючи крутанул его — лезвие сверкнуло в воздухе ярким диском. Он слегка прищурился, и в этом жесте читалась недвусмысленная угроза: «Если не отдашь мне брата, я разнесу твой Хун Сюань по кирпичику».

Будь на его месте кто-то другой, Лин Хун давно бы выставила наглеца за дверь, применив силу, но перед ней стоял тот, кого в их школе прозвали «Бесстрастным Асурой». Против него не помогали ни кулаки, ни слова. Раздражённо фыркнув, она направилась к комнате, где отдыхал Чжань Чжао.

Однако стоило им подойти к дверям, как изнутри донеслись фразы, которые волей-неволей заставляли воображение рисовать весьма двусмысленные картины.

— Брат Бай, что вы творите?

— Как «что»? Спать ложусь.

— Вы прокрались в мои покои только ради того, чтобы поспать?

Услышь посылный подобные речи от любого другого обитателя Хун Сюань, он бы и не сомневался в их подтексте. Но Чжань Чжао произнёс это с таким обезоруживающим простодушием и серьёзностью, что заподозрить его в чём-то предосудительном было попросту невозможно.

Впрочем, репутация Бай Юйтана как первого гуляки Поднебесной возникла не на пустом месте. Даже слыша строгий тон друга, он, ничуть не смутившись, подался вперёд и почти коснулся губами его щеки, на которой наконец проступил едва заметный румянец.

— А что, котик жаждет, чтобы его господин Бай сделал что-то ещё?

От этих слов «благородный защитник», как прозвали Чжань Чжао в народе, вспыхнул до самых корней волос — то ли от праведного гнева, то ли от жгучего смущения.

— Бай Юитан, не носи чепухи... м-м-м...

Последний звук окончательно разжёл любопытство пришедших. Ни Циньян, нахмурившись, стремительно распахнул дверь и как раз успел услышать насмешливый голос Пятого брата:

— Глупая кошка, даже не заметил, что за дверью кто-то есть...

Так двое мужчин в белоснежных одеждах столкнулись взглядами.

Бай Юйтан всё ещё зажимал ладонью рот Чжань Чжао. Тот, увидев вошедших, на мгновение замер от неожиданности, а затем поспешно отстранился и с явной радостью, смешанной с глубоким почтением, произнёс:

— Второй старший брат...

«Второй старший брат?» — Бай Юйтан слегка прищурился, рассматривая незнакомца, который в стати и выдержке ничуть не уступал ему самому.

— Котик, и сколько же у тебя наставников и братьев? Откуда они все берутся в самый неподходящий момент?

Чжань Чжао мягко улыбнулся, и эта улыбка была по-настоящему светлой:

— О, их много...

Сам Бай Юйтан никогда не знал, что такое «братство по школе». Его учителями были прославленная Цзян Нин, нынешняя хозяйка винокурни, и собственные старшие братья, так что мир закрытых сект оставался для него чуждым. В книжных романах такие истории казались захватывающими, но, столкнувшись с реальностью, Бай Юйтан чувствовал лишь неприязнь.

Мир боевых искусств наполнился интригами и предательствами, порой превосходя в этом чиновничью среду. И как только у тех «героев» хватало совести попрекать Чжань Чжао его службой в управе? Поэтому к подобным историям Бай Юйтан относился скептически и никогда не позволял втягивать себя в чужие союзы. Когда главы крупных сект пытались переманить «Пять крыс» на свою сторону, он лишь презрительно усмехался: «Пятому господину не нужны чужие милости».

Он был дерзок и свободен. Одиноким гордец, смеющийся над миром. И потому искренняя радость Чжань Чжао при виде соучеников была ему совершенно непонятна.

«Все эти предания... лишь сказки для дураков», — подумал Бай Юйтан. Однако всё, что касалось Чжань Чжао, он не мог оставить без внимания. По-хозяйски обняв друга за плечи, он с вызовом бросил:

— И сколько же их — «много»?

Слишком близко.

Ни Циньян нахмурился, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. Вид этого павлина, одетого в такой же белый цвет, вызывал у него почти физическую тошноту.

— Тьфу, — не сдержавшись, буркнул он.

Какая там близость? Эта сцена заставила его сердце болезненно сжаться. Он видел, как рос Сюаньцин. Мальчик всегда был на редкость простодушен. Даже пять лет назад, когда учителя под предлогом «завершения обучения» выставили его в мир, полный злобы и коварства, он остался таким же чистым. Совсем как в те времена, пятнадцать лет назад, когда маленький комочек с огромными любопытными глазами прятался за его спиной, вцепившись в штанину, и шептал: «Брат, а почему у той сестрицы слёзы красные?»

Если бы не эта врождённая доверчивость, разве позволил бы он Бао-чернышу заманить себя на службу и обречь на столько страданий?

«Второй брат ругается?» — Сестра Хун изумлённо распахнула глаза.

«Неужели он действительно выругался?» — Чжань Чжао тоже замер, не веря собственным ушам.

Лишь Бай Юйтан пребывал в недоумении, гадая, кому предназначалось это холодное оскорбление.

Кому? Разумеется, ему.

Ни Циньян, известный в своих кругах под именем Сюаньмин, прекрасно знал, кто такой Бай Юйтан. Он знал, что именно эта Парчовая Мышь вечно доставляла проблемы его младшему брату, и одного этого было достаточно, чтобы возненавидеть его.

Ни Циньян смерил Бай Юйтана ледяным взглядом и процедил сквозь зубы слово, заставившее Чжань Чжао и Лин Хун похолодеть:

— Животное.

«У второго брата сегодня что, язык без костей?» — подумала Хун, а вслух произнесла со всей прямоотой:

— Брат, тебя что, дверью по голове ударило?

— Жить надоело? — последовал лаконичный, морозный ответ.

Сестра Хун инстинктивно прикрылась. «Вот теперь всё верно. Это наш обычный второй брат». Только от этого осознания ей стало ещё больше не по себе. Когда Ни Циньян был «нормальным», он внушал поистине первобытный ужас.

<http://bllate.org/book/17406/1654549>